

Б.А. Энгельгардт — офицер, политик, мемуарист

Пётр Акульшин, Игорь Гребенкин

B.A. Engelsingardt — officer, politician, memoirist

Petr Akulshin, Igor Grebenkin

(both — S.A. Yesenin Ryazan State University, Russia)

DOI: 10.31857/S086956870015466-3

Процесс превращения людей, игравших видную роль в дореволюционной России, в граждан СССР уже рассматривался историками¹. В наше время порой кажется, что после 1917 г. им были уготованы лишь эмиграция или «жернова ГУЛАГа». Между тем их подлинные судьбы складывались гораздо сложнее. Так, известные мемуаристы, деятели Государственной думы Я.В. Глинка и В.В. Шульгин, генералы В.М. Ткачёв и гр. А.А. Игнатъев, пережив гонения, на склоне лет стали частью советского общества². В этом ряду достойное внимания место принадлежит Б.А. Энгельгардту — наследнику старинного дворянского рода, камер-пажу императрицы, гвардейскому улану, офицеру Генерального штаба, успешному помещику-предпринимателю, депутату Государственной думы, военному коменданту революционного Петрограда, участнику Белого движения, эмигранту во Франции и Латвии, политическому арестанту и ссыльному в СССР и, наконец, служащему ипподрома в Риге и пенсионеру.

Первые Энгельгардты появились на русской земле в XVII в. как наёмники на службе польских королей. Впоследствии большинство представителей этого рода стали землевладельцами Смоленской губ. Вплоть до первого раздела Польши в 1772 г. этот край оставался пограничным, и местная шляхта служила царям на особых условиях. Но уже в XIX в. Энгельгардты стали российскими дворянами не только по подданству, но и по культуре и образу мысли.

В семье, в которой 7 июля (ст. ст.) 1877 г. родился Борис Александрович, четыре поколения посвятили свою жизнь воинскому делу. Его отец, генерал-лейтенант Александр Петрович Энгельгардт, — выдающийся учёный-артиллерист, признанный изобретатель; мать, Клавдия Карловна, — дочь героя обороны Севастополя генерала К.Ф. Шейдемана. С детства Бориса окружали представители военной интеллигенции — сослуживцы отца по Михайловской артиллерийской академии и Главному артиллерийскому управлению³. Семейные традиции предопределили интересы и дальнейшую судьбу молодого человека. Высокие чины деда и отца давали возможность отправить его в 1887 г. в одно из самых привилегированных учебных заведений Российской империи — Пажеский корпус. Там его однокашником оказался молодой гр. А.А. Игнатъев, не раз упоминавший его в своих мемуарах⁴. «В нашем выпуске, — вспоминал Борис Александрович, —

© 2021 г. П.В. Акульшин, И.Н. Гребенкин

Статья подготовлена при поддержке РФФИ, проект № 19-09-00117А.

¹ См., в частности: *Смирнова Т.М.* «Бывшие люди» Советской России. Стратегии выживания и пути интеграции. 1917—1936 годы. М., 2003.

² *Глинка Я.В.* Одиннадцать лет в Государственной думе. 1906—1917. М., 2001; *Шульгин В.В.* Годы. Дни. 1920 год. М., 1990; *Ткачёв В.М.* Крылья России. Воспоминания о прошлом русской военной авиации. 1910—1917 гг. СПб., 2007; *Игнатъев А.А.* Пятьдесят лет в строю. М., 1986.

³ ОР РГБ, ф. 218, д. 305, к. 1, л. 8.

⁴ *Игнатъев А.А.* Указ. соч. С. 45.

трое моих товарищей после сравнительно короткой службы получили высокие посты губернаторов, посты, которые открывали ход к высшим должностям в империи. Все трое были люди толковые, но по предыдущей деятельности совершенно не подготовленные к своей новой роли. Тут сказалась близость к царской семье ещё в камер-пажеское время: один был камер-пажом царя, другой — жены царя во время коронации Николая II»⁵. Сам Энгельгардт состоял камер-пажом императрицы Марии Фёдоровны. В годы учебы в корпусе ему выпало стать участником похорон Александра III и коронации Николая II. В августе 1896 г. император поздравил недавних пажей с первым офицерским чином.

Выпускник Пажеского корпуса или военного училища был обязан провести три года на действительной военной службе. Окончив корпус одним из первых, Энгельгардт вышел корнетом в сравнительно «скромный» по неписаной гвардейской иерархии лейб-гвардии Уланский его величества полк, стоявший в Варшаве. Выбор его был мотивирован тем, что «там поощрялся конский спорт, а я смолodu имел к нему пристрастие, потом в полку служил мой старший брат и, наконец, Варшава привлекала меня — хотелось самостоятельной жизни без родительской опеки»⁶. Во второй половине 1890-х гг. Энгельгардт регулярно выступал на скачках в Варшаве, Петербурге и Красном Селе, заняв первое место в списке «ездоков-охотников»⁷.

Весной 1900 г., Энгельгардт встретился с гр. Игнатьевым, который к тому времени уже поступил в Николаевскую академию Генерального штаба и убеждал своего товарища в том, что «нельзя вечно жить лишь интересами хлыста и шпор, что пора расширить свои горизонты образованием», дабы затем «выйти на широкую дорогу общественной и государственной деятельности»⁸. Эти доводы убедили молодого улана. Летом 1900 г. Энгельгардт пополнил ряды слушателей Академии. Чин гвардейского поручика он получил в декабре уже в её стенах. Среди его сокурсников были А.А. Балтийский и А.П. Перхуров, И.П. Романовский и А.А. Свечин, которых впоследствии судьба разделила на «красных» и «белых».

Вспоминая об Академии, её выпускники обычно отмечали как основательность академического курса в общеобразовательном и военно-теоретическом отношении, так и недостаток полученных ими практических знаний⁹. Как писал Энгельгардт, «давались разрозненные образцы военного искусства в различные времена, но не было окончательной сводки принципов военного дела, в соответствии с современной эпохой — с уровнем развития техники»¹⁰.

Благодаря своим способностям и материальному достатку Энгельгардт не знал тягостной зубрёжки и не искал дополнительных заработков. По собственному признанию, он прошёл курс «на облегчённой рыси», окончив его по 1-му разряду с производством за успехи в науках в штабс-ротмистры с причислением к Генеральному штабу. По установленному порядку ему предстояло затем освоить годичный курс Офицерской кавалерийской школы. В ноябре

⁵ ОР РГБ, ф. 218, д. 305, к. 1, л. 42.

⁶ Там же, к. 2, л. 2.

⁷ Там же, л. 17—19.

⁸ Там же, л. 31—32.

⁹ См., например: *Деникин А.И.* Путь русского офицера. М., 1991; *Самойло А.А.* Две жизни. Л., 1963; *Геруа Б.В.* Воспоминания о моей жизни. Т. I. Париж, 1969; *Игнатьев А.А.* Указ. соч.

¹⁰ ОР РГБ, ф. 218, д. 305, к. 2, л. 45.

1903 г. он даже приступил к занятиям, но круто поменяло дальнейшие планы известие о войне с Японией. Энгельгардт, как и многие его товарищи, стремился скорее отбыть на театр военных действий. 3 марта 1904 г. его перевели во вновь формируемый 2-й Нерчинский полк Забайкальского казачьего войска, с переименованием в есаулы¹¹, а 31 марта Энгельгардт присоединился к полку на станции Маньчжурия и принял 1-ю сотню. Новые подчинённые, казаки-забайкальцы, зачастую не имели строевых навыков и по-своему понимали воинскую дисциплину, но всё же обладали отличными боевыми качествами. Большинство офицеров в полку и дивизии составляли добровольцы, переведённые из регулярной кавалерии, среди которых служили хорунжий барон П.Н. Врангель и есаул Арсен Карагеоргиевич, незадолго до этого ставший сербским принцем.

В апреле—мае 1904 г. Забайкальская казачья дивизия под командованием генерала П.К. Ренненкампа, сосредоточившись у Ляояна, двинулась в направлении Мукдена. Характер боевых действий Энгельгардт описывал с долей иронии: «Мы тащились длинной кишкой в 15—20 сотен по тяжёлой каменной дороге, перебирались через разлившиеся после дождя горные речки, преодолевали высокие перевалы, потом, добравшись до передовых японских частей, с ними вступали в перестрелку две, много три сотни и потом весь отряд откатывался на исходный пункт»¹². Боевой путь Энгельгардта оказался недолгим. В начале июня 1904 г. в столкновении на Феншулинском перевале он был ранен в ногу и переправлен в Ляоян, где размещался 1-й Георгиевский госпиталь Красного Креста.

Перебитая японской пулей нога заживала долго, и в конце июля Энгельгардта эвакуировали для лечения в Петербург, где его приняла вдовствующая императрица Мария Фёдоровна, а затем в санаторий, открытый одним из великих князей в Каннах. За участие в боях он получил орден Св. Анны 4-й степени, «золотую» саблю с надписью «За храбрость» и орден Св. Владимира 4-й степени с мечами и бантом. Вернувшись в столицу в конце 1904 г., Энгельгардт стал свидетелем событий «Кровавого воскресенья». Годы спустя он вспоминал: «Меня поражала не столько жестокость акта расстрела 9 января, сколько неумение царской власти использовать возможность укрепить свой царский авторитет, хотя бы частично удовлетворив запросы рабочих»¹³.

К весне рана окончательно зажила, и хотя кости срослись неправильно, из-за чего левая нога стала короче правой на 3 см, Энгельгардт вернулся в действующую армию. Прибыв 20 июля 1905 г. в штаб 1-й Маньчжурской армии, он занял должность помощника старшего адъютанта Управления генерал-квартирмейстера и месяц спустя, при утверждении, причислен к Генеральному штабу с переименованием в капитаны¹⁴. Однако война уже подходила к концу, а в России разразилась революция.

Эвакуация армии из Маньчжурии и расформирование её учреждений и штабов продолжались всю осень. Тем временем забастовка железнодорожников парализовала движение по Транссибирской магистрали. Поэтом Энгельгардт предпочёл отправиться в Центральную Россию морским путём. В ноябре 1905 г. он отплыл из Владивостока в Японию, где стал свидетелем торжественной встречи войск, возвращавшихся с театра военных действий. По дороге на роди-

¹¹ РГВИА, ф. 409, оп. 2, д. 9867, л. 21.

¹² ОР РГБ, ф. 218, д. 305, к. 2, л. 77.

¹³ Там же, л. 114.

¹⁴ РГВИА, ф. 409, оп. 2, д. 9867, л. 21 об.

ну Энгельгардт посетил также Шанхай, Гонконг, Сайгон, Сингапур, Коломбо, Порт-Саид. Прибыв в Петербург в феврале 1906 г., он вернулся к занятиям в Офицерской кавалерийской школе, а после её успешного окончания осенью в Варшаве принял 4-й эскадрон лейб-гвардии Уланского его величества полка для годичного цензового командования. Вскоре последовало назначение на должность старшего адъютанта штаба 8-й пехотной дивизии. Однако в августе 1907 г. скончался его отец и пришлось задуматься об управлении имениями, составлявшими 3 тыс. десятин. Кроме того, как вспоминал Борис Александрович, «хотелось, чтобы при этом и сама работа давала бы известное удовлетворение. А этого-то я не видел перед собой... Оценив служебное и семейное положение, я без большого колебания подал в отставку»¹⁵. Выслуга лет и боевое ранение позволяли рассчитывать на увольнение с мундиром, пенсией и производством в следующий чин. 14 июля 1908 г. Энгельгардт покинул службу подполковником с пенсией 460 руб. в год¹⁶.

Новый период его жизни был связан с поместьем Печерская Буда, приобретённым отцом в Мстиславском уезде Могилевской губ. в 30 верстах от станции Риги-Орловской железной дороги «Энгельгардтовская». 1 400 десятин различных угодий, не обременённых долгами, мельница, винокуренный завод — всё это требовало внимания. Энгельгардт с энтузиазмом взялся за новое дело и за несколько лет ему удалось наладить интенсивное и прибыльное хозяйство. В 1912 г. он побывал в Дании для знакомства с опытом животноводческих хозяйств. Его стараниями были образованы и успешно работали кредитное товарищество и потребительский кооператив, планировалось создание кооператива по сбыту. В поместье Борис Александрович брался за любую работу. Однажды его мать и старший брат стали свидетелями, как он с хворостиной в руках загоняет на весы огромного бора. «Мамочка! — воскликнул Александр Александрович, — посмотри на эту картину. Боря гонит свинью! Неужели стоило кончать академию, чтобы потом пасти свиней!»¹⁷.

Амбиции Энгельгардта, конечно, не ограничивались хозяйственными заботами, и при первой возможности он обратился к общественной деятельности. По предложению могилевского губернатора А.И. Пильца он стал членом уездного комитета по делам земского хозяйства, а впоследствии был избран земским гласным. Возглавляя в губернском земстве страховую комиссию, он снискал репутацию защитника крестьянских интересов. Осенью 1912 г., накануне выборов в IV Государственную думу, губернатор попросил Энгельгардта не выдвигать свою кандидатуру в депутаты, поскольку это мешало осуществлению достигнутых властями договоренностей с выборщиками. Однако сведения о закулисном сговоре только усилили у отставного офицера желание баллотироваться. В губернии избирательная кампания не носила выраженного политического характера: по существу отсутствовали партийные группы, кандидаты в своих выступлениях ограничивались расплывчатыми заявлениями. «Признаюсь, — писал позднее Энгельгардт, — и я не нашёл ничего что сказать, кроме общих рассуждений о необходимости укрепления военной мощи страны»¹⁸. Несмотря на интриги администрации, во втором туре Борис Александрович одержал убедительную победу, собрав 109 голосов из 125. Решающую роль в этом сыграли

¹⁵ ОР РГБ, ф. 218, д. 305, к. 3, л. 21—22.

¹⁶ РГВИА, ф. 409, оп. 2, д. 9867, л. 10—11.

¹⁷ ОР РГБ, ф. 218, д. 305, к. 3, л. 58.

¹⁸ Там же, л. 52.

голоса выборщиков от крестьян, поляков и евреев, которым импонировала земская деятельность кандидата и его беспристрастное отношение к национальному вопросу. Депутат имел все основания для торжества: «Самолюбие было удовлетворено. Передо мной раскрывались широкие перспективы государственной деятельности, и хоть я сознавал в глубине души свою неподготовленность, но хотел серьёзно работать в Думе и не сомневался, что в дальнейшем справлюсь с предстоящей задачей»¹⁹.

В Думе Энгельгардт оказался в непривычной для него атмосфере политических страстей и соперничества партий и фракций. Его собственные взгляды сводились к тому, чтобы не допустить «никакой крупной ломки»: «Для сохранения существующего порядка надо быть готовым идти на известные уступки и жертвы, чтобы удовлетворять справедливые требования масс, хотя бы в минимальной степени». Оставалось «внести выборный элемент в правительственную структуру учреждением Государственной думы» и «расширить опорную базу в населении столыпинской земельной реформой»²⁰. Энгельгардту импонировали идейные установки как конституционных демократов, так и «Союза 17 октября». Однако первоначально он присоединился к фракции Центра, которая в политическом спектре Думы находилась правее октябристов: «Строго говоря, это была не партия, а собрание беспартийных, почти не связанных партийной дисциплиной, т[ак] к[ак] и определённой программы во фракции не было. Вхождение в эту группировку оставляло за мной достаточную свободу действий и в то же время обеспечивало мне получение желаемого места в комиссии»²¹.

В декабре 1912 г. Энгельгардт вошёл в Комиссию по военным и морским делам и вскоре стал основным докладчиком по законопроектам, связанным с обороной. При этом он тесно сотрудничал с генералами А.А. Брусиловым, А.А. Поливановым, Н.А. Даниловым²² и неоднократно критиковал военного министра В.А. Сухомлинова, указывая на отсутствие последовательности и преемственности в его работе. Как и другие военные интеллектуалы, поддерживавшие профессора Николаевской академии полковника Н.Н. Головина, Энгельгардт считал, что будущая война станет всеобщей и окажется испытанием всего хозяйственного и общественного потенциала страны²³. Сделанный им весной 1914 г. доклад о «Большой» программе вооружений запомнился императору²⁴.

Когда война прервала думские дебаты, Энгельгардт не сомневался, что его место на фронте. Получив назначение в штаб Гвардейского корпуса, он немедленно отбыл к месту его дислокации в крепости Новогеоргиевск. Командир корпуса генерал В.М. Безобразов слыл хорошим строевиком и пользовался поддержкой верховного главнокомандующего вел. кн. Николая Николаевича. Начальник штаба корпуса гр. Г.И. Ностиц находился в сложных отношениях с командиром и фактически устранился от исполнения обязанностей, передав планирование боевых действий в руки энергичных штабных офицеров, среди которых выделялся своими способностями однокурсник Энгельгардта по Ака-

¹⁹ Там же, л. 58.

²⁰ Там же, л. 62—63.

²¹ Там же, л. 63—64. (См.: *Дёмин В.А.* Центра фракция // Государственная дума Российской империи: 1906—1917. Энциклопедия. М., 2008. С. 664—665).

²² ОР РГБ, ф. 218, д. 305, к. 3, л. 76.

²³ См.: *Айрапетов О.Р.* Генералы, либералы и предприниматели: работа на фронт и революцию. 1907—1917. М., 2003. С. 14—16; *Гребенкин И.Н.* Долг и выбор: Русский офицер в годы мировой войны и революции. 1914—1918 гг. М., 2015. С. 65—66.

²⁴ ОР РГБ, ф. 218, д. 306, к. 2, л. 63.

демии полковник В.Н. Доманевский. Борис Александрович руководил в штабе разведывательным отделением²⁵.

Положение депутата выделял Энгельгардт среди офицеров. Безобразов неоднократно отправлял его в Ставку с докладами вел. кн. Николаю Николаевичу, а во время боев под Ивангородом в октябре 1914 г. доверил ему исполнение обязанностей начальника штаба корпуса. Британский военный представитель полковник А. Нокс, который провёл первые военные месяцы вместе с русской гвардией, отмечал в дневнике, что капитан Энгельгардт — «самый талантливый офицер в штабе»²⁶.

В январе 1915 г., пока корпус находился в резерве, Энгельгардт получил краткий отпуск, выехал в столицу и принял участие в нескольких думских заседаниях, выступив с докладом о положении на фронте. Как профессионал и очевидец он утверждал, что военные успехи всецело зависят от экономической мощи страны и её социального благополучия. Этот доклад Энгельгардт собирался повторить в Государственном совете, но, поскольку гвардия выступила на фронт, ему пришлось выехать в штаб корпуса, находившийся в Ломже.

Фронтовая служба Бориса Александровича закончилась в июле 1915 г. Во время очередной командировки в Ставку он не поддержал командира корпуса в конфликте с командующим 3-й армией генералом Л.В. Лешем. Несмотря на своё расположение к Безобразову, вел. кн. Николай Николаевич освободил его от должности, после чего и Энгельгардт получил официальное разрешение уволиться от военной службы для занятий в Думе.

На фоне военных неудач весны—лета 1915 г. правительство шло на уступки представителям цензовой общественности, привлекая их к участию в «Особых совещаниях», создававшихся для координации управления различными отраслями военного хозяйства. Энгельгардт включился в работу наиболее влиятельного из них — Особого совещания по обороне. «Положения члена этого совещания добивались многие, — вспоминал Борис Александрович. — Оно не давало никаких немедленных материальных выгод, но вводило человека в высшие правительственные круги и ставило его “на виду”»²⁷. Членами Совещания от Государственной думы становились главы фракций, но председатель Думы М.В. Родзянко, ценивший Энгельгардта как специалиста по военным вопросам, провёл его от одной из октябристских групп. Современники и историки нередко скептически оценивали вклад Особого совещания в организацию материального снабжения фронта²⁸. Однако Энгельгардт настаивал: «Нужно всё же признать, что в это тяжёлое для России время, среди тех людей, которые не склонны были к коренной ломке существующего порядка, нашлись такие, которые, несмотря на все трудности, стоящие на их пути, сумели добиться хоть временного удовлетворения нужд армии»²⁹. Вместе с тем Энгельгардт участвовал в подготовке новой редакции Устава о воинской повинности, расширявшей возможности пополнения армии и одновременно учитывавшей потребности хозяйства. Его соображения, изложенные в Думе и в Ставке, встретили поддержку депутатов и начальника штаба верховного главнокомандующего М.В. Алексева.

²⁵ Там же, к. 1, л. 40—43. Доманевский и Энгельгардт в числе первых были награждены Георгиевским оружием за участие корпуса в боях под Люблином в конце августа 1914 г.

²⁶ Нокс А. Вместе с русской армией. Дневник военного атташе. 1914—1917. М., 2014. С. 145.

²⁷ ОР РГБ, ф. 218, д. 306, к. 2, л. 110.

²⁸ Маниковский А.А. Боевое снабжение русской армии в войну. М., 1937. С. 71—72.

²⁹ ОР РГБ, ф. 218, д. 306, к. 2, л. 121.

В апреле—июне 1916 г. делегация членов Государственного совета и Государственной думы совершила визит в Великобританию, Францию и Италию. По настоянию Родзянко Энгельгардт был приглашён в состав делегации как единственный среди думцев офицер и фронтовик. Он сознательно уклонился от поездки в Италию, желая лучше изучить работу французской промышленности и выполнение ею русских оборонных заказов. Пользуясь своими дружескими отношениями с военным агентом полковником гр. Игнатьевым, Борис Александрович посетил несколько участков Западного фронта. Позднее он обобщил свои наблюдения: «Глядя на весь этот комфорт, который окружал английского солдата, я невольно себя спрашивал, как могли бы воевать англичане, если их перенести в условия русского фронта. Уж не говоря о недохвате оружия и боевых припасов, а лишь бытовые условия, которые с таким мужеством и самоотвержением переносил русский солдат, способны были привести в отчаяние англичанина»³⁰.

По свидетельству гр. Игнатьева, политические взгляды Энгельгардта в тот момент были близки к программе Прогрессивного блока. В дружеской беседе он сетовал на безволие царя и происки «тёмных» сил. На вопрос графа, каким способом патриотическая общественность намерена им противостоять, Энгельгардт не вполне уверенно отвечал: «Да, пожалуй, придётся революционным... Опасаемся только, как бы “слева” нас не захлестнуло»³¹.

Осенью 1916 г. критика царя и правительственной политики всё чаще звучала в думских кулуарах, аристократических клубах и офицерских собраниях. По словам Энгельгардта, «настроения, которые в то время назрели в верхах петроградского общества, создавали благоприятную почву для заговоров всякого рода»³². Свой вклад в эту атмосферу вносил и Прогрессивный блок, видным участником которого являлся Борис Александрович. Сблизившись с Родзянко, в конце 1916 — начале 1917 г. Энгельгардт присутствовал на многих неофициальных собраниях членов блока, обсуждавших планы политических перемен, вплоть до государственного переворота³³. При этом он «надеялся на то, что мы сумеем добиться желаемого путём последовательной парламентской борьбы, шаг за шагом завоёвывая позиции»³⁴.

Февральские события 1917 г. Энгельгардт встретил, уже не веря в возможность сохранения монархии. Позднее он констатировал: «То, что происходило 27 февраля, окончательно убедило меня в полной неспособности царского правительства удержать власть в руках и защитить порядок, полной ломки которого я не мог желать»³⁵. Подчинившись указу о перерыве думской сессии, Борис Александрович провёл 27 февраля в Новом клубе и лишь вечером узнал о создании Временного комитета Государственной думы (ВКГД) под председательством Родзянко. Переодевшись в штатское платье, Энгельгардт немедленно отправился в Таврический дворец и застал членов комитета в тот момент, когда они собирались принять на себя власть в столице. По предложению В.Н. Львова полковника кооптировали в состав комитета, а Родзянко настоял на его назна-

³⁰ Там же, д. 306, к. 3, л. 52.

³¹ *Игнатьев А.А.* Указ. соч. С. 572.

³² ОР РГБ, ф. 218, д. 306, к. 3, л. 93.

³³ См.: *Родзянко М.В.* Крушение империи. Харьков, 1990. С. 199—200; *Шульгин В.В.* Указ. соч. С. 314—322.

³⁴ ОР РГБ, ф. 218, д. 306, к. 3, л. 100.

³⁵ Там же, л. 102.

чении председателем Военной комиссии — импровизированного штаба восстания, за влияние над которым боролись ВКГД и Совет рабочих депутатов. Одновременно Энгельгардт принял на себя обязанности коменданта Петрограда и Таврического дворца, а также начальника столичного гарнизона. К работе в Военной комиссии он привлёк офицеров Генерального штаба: генерал-майора Г.Д. Романовского, полковников Г.А. Якубовича, кн. Г.Н. Туманова, Л.С. Туган-Барановского, У.И. Самсон-Гиммельшерну, П.А. Половцова, подполковников В.П. Гильбиха и В.Л. Барановского. Их участие в комиссии, по признанию очевидцев, ограничивало влияние представителей Совета³⁶.

В Военную комиссию не раз обращались делегаты воинских частей, предлагавшие узаконить права солдат и установить новые правила в их отношениях с офицерами. Энгельгардт и лидеры ВКГД не решились на этот шаг, тогда как Совет рабочих и солдатских депутатов, выпустив «Приказ № 1», перехватил инициативу и овладел революционной стихией. Впоследствии Энгельгардт вынужден был признать: «Мы приняли революцию как свершившийся факт и в течение трёх дней с виду якобы возглавляли её, а фактически плелись за событиями, делая в то же время безнадёжные попытки задержать её развитие»³⁷.

В начале марта Энгельгардт считался одним из реальных претендентов на пост военного министра³⁸. Но когда состоялось назначение А.И. Гучкова, Борис Александрович уступил ему пост главы Военной комиссии, сосредоточившись, по предложению Родзянко, на ведении пропаганды от имени Государственной думы за продолжение войны. В марте он стал членом Исполнительного комитета Совета офицерских депутатов, петроградского гарнизона и его окрестностей, Балтийского флота и отдельного корпуса пограничной стражи, а также вошёл в состав комиссии по подготовке реформы вооружённых сил под председательством генерала А.А. Поливанова, возглавив в ней подраздел, отвечавший за связь с войсками.

Принадлежа к военной элите, Энгельгардт не мог примириться с процессами «демократизации», считая её главной причиной разложения армии. Это сближало его с М.В. Алексеевым, Л.Г. Корниловым, А.В. Колчаком, с которыми он встречался весной—летом 1917 г. Им казалось, что государственный порядок, разрушенный революцией, ещё возможно восстановить силовыми мерами.

В смутной обстановке 1917 г. Энгельгардт не избегал контактов с тайными контрреволюционными организациями, такими как «Республиканский центр», лидеры которого, К.В. Николаевский и П.Н. Финисов, стремились к установлению в России власти военного диктатора, которым должен был стать один из влиятельных военачальников. Необходимую для этого подготовительную работу в среде офицерства должна была вести военная секция Центра. Возглавить её предложили Энгельгардту. Он согласился присоединиться к секции, но хотел видеть её руководителем своего фронтового товарища полковника Доманевского. Вместе с тем Энгельгардт безуспешно пытался вовлечь в заговор командующего войсками столичного округа генерала П.А. Половцова и коменданта Петропавловской крепости Н.А. Апухтина. Скромные результаты

³⁶ Метиславский С. Пять дней. Начало и конец Февральской революции. Берлин, 1922. С. 43—44.

³⁷ ОР РГБ, ф. 218, д. 306, к. 3, л. 95.

³⁸ См.: Половцов П.А. Дни затмения. Записки главнокомандующего войсками Петроградского военного округа генерала П.А. Половцова в 1917 году. М., 1999. С. 35.

этих усилий Энгельгардт объяснял ничтожностью средств, имевшихся в распоряжении Центра, и склонностью его малочисленных сторонников к импровизации³⁹.

В августе 1917 г. Энгельгардт участвовал в Государственном совещании в Москве. В это время в его окружении открыто говорили о военном перевороте и захвате власти. В Москве подобные планы с ним обсуждали близкие к Корнилову британский военный корреспондент и офицер А.Ф. Аладьин и В.Н. Львов⁴⁰. Корниловское выступление застало Энгельгардта в Петрограде. Как эмиссар «Республиканского центра» он посетил несколько запасных полков гвардии, чтобы «уяснить их настроения», но быстро убедился в неподготовленности действий заговорщиков, которые ничем не могли помочь верховному главнокомандующему. В воспоминаниях Борис Александрович не скрывал, что «наша неспособность оказать эту помощь, рисующая всю бессмысленность деятельности пресловутого Республиканского центра, собиравшегося сыграть решающую роль в организации власти в стране, меня глубоко огорчала»⁴¹. Не обладая той долей авантюризма, которой отличались иные его единомышленники, полковник отошёл от данного предприятия.

В конце сентября Энгельгардт оставил столицу и отправился в Буду, намереваясь вернуться к хозяйству и, возможно, рассчитывая занять видное место в земстве. Он живо включился в дела Всероссийского союза земельных собственников и сельских хозяев, созданного в Москве в мае 1917 г. На выборах в Учредительное собрание эта правая организация выставила списки в 15 губерниях. В Могилевской губ. от неё баллотировался Энгельгардт, но в ходе голосования 12—14 ноября список Союза там поддержали всего 1,4% избирателей (около 10 тыс. человек)⁴². Крестьянство добивалось передела собственности. Опасаясь разгрома винокуренного завода, Энгельгардты уничтожили имевшиеся запасы спирта. Разграблению кирпичного завода хозяева уже не препятствовали. В начале декабря живность и инвентарь в их имении описали, оставив в распоряжении семьи минимальную часть имущества. В обновленном земском собрании прежних гласных почти не осталось, а новые считали Энгельгардта символом прошлого. «Я начинал чувствовать себя выкинутым из общественной жизни, — признавался он в мемуарах. — Политическая деятельность, которой я отдался в последние годы, была мне недоступна больше. Военная служба при том состоянии, в котором находилась армия в то время, при недоверии, которое царило в солдатской массе по отношению к офицерам, представлялась мне совершенно для меня неподходящей. Новое земство меня сторонилось. Землю и моё хозяйство у меня отнимали»⁴³.

В январе 1918 г. Энгельгардт вернулся в Петроград. Попытки устроиться на службу в советские учреждения не имели успеха. Используя прежние связи, Эн-

³⁹ ОР РГБ, ф. 218, д. 384, л. 66—72.

⁴⁰ Там же, л. 94—98.

⁴¹ Там же, л. 103.

⁴² Всероссийское Учредительное собрание: Энциклопедия / Сост. Л.Г. Протасов. М., 2014. С. 86, 252, 406. См. также: *Воробьев А.А.* Выборы во Всероссийское Учредительное собрание на территории Белоруссии и соседних российских губерниях. Могилёв, 2010. О выборах в Мстиславском уезде, где располагалось поместье Энгельгардта, см.: *Воробьев А.А.* Выборы в Учредительное собрание на территории Мстиславского и Климовичского уездов Могилевской губернии // Вестник Мозырского государственного педагогического университета им. И.П. Шамякина. 2009. № 2(23) С. 25—29.

⁴³ ОР РГБ, ф. 218, д. 384, л. 126.

гельгардт пытался вести комиссионные и посреднические операции, но к концу лета ему, как и другим «бывшим», находиться в городе стало небезопасно. В сентябре по подложным документам он выехал на Украину, где существование гетманского режима обеспечивала германская оккупация. В Киеве Энгельгардт примкнул к праволиберальному «Национальному центру» и по предложению главы правительства Добровольческой армии генерал-лейтенанта П.Н. Ломновского взял на себя заведование её политической частью и обеспечение связи с основными антисоветскими объединениями⁴⁴.

После падения власти гетмана П.П. Скоропадского и вступления в Киев войск С.В. Петлюры представительство Добровольческой армии по приказу Ломновского в конце декабря 1918 г. переехало в Одессу. Задачи политической части при этом несколько расширились и включали теперь контакты с командованием французского контингента и пропаганду идей Добровольческой армии. Однако Энгельгардт желал занять более заметное место в белой борьбе. При первой возможности он воспользовался предложением доставить донесение А.И. Деникину и морем отбыл из Одессы в Новороссийск, а оттуда в столицу белого Юга России — Екатеринодар⁴⁵.

Однако и там Борис Александрович почувствовал весьма сдержанное к себе отношение: сказывалась репутация деятеля Февральской революции. В политическом аппарате Вооружённых сил на Юге России (ВСЮР) он получил скромную должность помощника управляющего отделом пропаганды Особого совещания при главнокомандующем ВСЮР. Отдел размещался в Ростове-на-Дону — ближе к фронтам и густонаселённым районам России, где предполагалось вести агитацию. Руководил им известный юрист К.Н. Соколов. Однако в июне 1919 г. он отправился с делегацией в Париж, фактически передав отдел Энгельгардту. Помимо административной работы и назначений, ему пришлось направлять устную и печатную пропаганду, контролировать периодическую печать, книжное дело, театр, кино. В его подчинении находились специальные подразделения, проводившие работу на фронте, в том числе четыре агитпоезда. Не прекращал он сотрудничества и с «Национальным центром», пользовавшимся поддержкой высшего командования ВСЮР и лично Деникина⁴⁶.

Впрочем, сам Энгельгардт «считал, что вся наша пропаганда ни к чему, поскольку мы не удовлетворяем запросов многомиллионного населения страны»⁴⁷. В разгар наступления деникинской армии на Москву он предложил Особому совещанию немедленно признать раздел помещичьих земель, совершенный крестьянами⁴⁸, дабы сделать крестьянство надёжной опорой Белого движения. Свои идеи он излагал и Деникину, но тот, будучи поглощённым военными вопросами, не стал в них вникать⁴⁹. Энгельгардт успешно провёл эвакуацию сотрудников и имущества своего Отдела из Ростова в Новороссийск⁵⁰. Там в начале 1920 г. Отдел был расформирован, а Энгельгардт в марте отплыл с семьёй на

⁴⁴ Там же, л. 128—148.

⁴⁵ Там же, л. 168—170.

⁴⁶ Всероссийский национальный центр. М., 2001. С. 256—257.

⁴⁷ ОР РГБ, ф. 218, д. 384, л. 210.

⁴⁸ Скорее всего, данная инициатива была выдвинута им на заседании Особого совещания 4 октября 1919 г. (Журналы заседаний Особого совещания при главнокомандующем Вооружёнными силами на Юге России А.И. Деникине. Сентябрь 1918-го — декабрь 1919-го года. М., 2008. С. 718).

⁴⁹ См.: Соколов К.Н. Правление генерала Деникина (из воспоминаний). София, 1921. С. 188—189; ОР РГБ, ф. 218, д. 384, л. 211—216.

⁵⁰ Соколов К.Н. Указ. соч. С. 237—238.

итальянском пароходе в Константинополь. На Босфоре он недолго сотрудничал в местном Информационном бюро ОСВАГа и стал свидетелем убийства 23 марта (5 апреля) 1920 г. своего сокурсника генерал-лейтенанта Романовского. Бывший начальник штаба ВСЮР погиб от руки сотрудника ОСВАГа в Константинополе поручика М.А. Харузина, придерживавшегося радикально-монархических взглядов⁵¹.

В конце 1920 г. Энгельгардт перебрался в Париж. Некоторое время ему довелось работать кассиром в кредитном обществе, основанном русскими эмигрантами, но оно быстро обанкротилось. Полковник стал ночным таксистом. «В 8 ч. вечера садился за руль своего маленького двухместного такси фирмы Рено, типа, который ходил среди французских шофёров под кличкой “клоп”, в 5 ч. утра обычно лежал уже в кровати, вставал часов в 12 и, если был при деньгах, ехал на скачки или бега, которые в Париже, в течение круглого года, имеют место ежедневно»⁵². Ему пришлось сдавать экзамены на право вождения и работы таксистом, конкурировать за место стоянок у ночных ресторанов, заводить постоянных клиентов среди проституток, овладевать сложным искусством выживания в огромном чужом городе. «Поглощённый непрерывными заботами о добывании средств к существованию, я понемногу окончательно отстранился от всякой общественной деятельности: на заседания парламентского комитета ездить перестал, с политическими деятелями больше не встречался, да и со знакомыми обывателями виделся редко»⁵³.

В ходе аграрной реформы, начатой в Латвии в 1920 г., большая часть дворянских имений была конфискована, но бывшим владельцам сохранили участки до 50 га. Так жена Энгельгардта в 1926 г. оказалась хозяйкой хутора в Латгалии. Неожиданно обретя земельную собственность, Энгельгардты предполагали продать её и на вырученные деньги начать новую жизнь в Париже, купив автомобиль для собственного таксомоторного предприятия. Однако денег хватило только на аренду другого латгальского хутора. Бывший крупный землевладелец Могилёвской губ. проявил незаурядную энергию в качестве крестьянина-арендатора. Вместе с соседями он основал товарищество по сбыту молока, исполняя в нём обязанности бухгалтера. Дела шли успешно несколько лет, но затем в Восточной Европе разразился аграрный кризис. Владелец продал хутор, а покупатель предложил крайне невыгодные условия. В этот сложный момент Энгельгардт получил работу технического руководителя рысистых и скаковых соревнований в Армейском конноспортивном клубе в Риге. Одновременно он состоял библиотекарем при Русском клубе. Доходов хватало на то, чтобы вести скромную жизнь мелкого служащего⁵⁴.

Тем временем в 1934 г. в Латвии произошёл государственный переворот, установивший авторитарную диктатуру К. Улманиса. В 1937 г. Энгельгардта как представителя национального меньшинства понизили до должности составляющего программу бегов на ипподроме. 8 июля 1940 г. полиция ещё независимой Латвии задержала его и передала НКВД. Энгельгардта доставили в Москву, где он почти целый год провёл в Бутырской и Лефортовской тюрьмах.

⁵¹ Агапеев В.П. Убийство генерала Романовского // Белое дело. Т. 6. Поход на Москву. М., 1996. С. 361—364.

⁵² ОР РГБ, ф. 218, д. 384, л. 266.

⁵³ Там же. Русский парламентский комитет действовал в Париже под председательством А.И. Гучкова и В.И. Гурко, включал бывших членов Государственной думы и Государственного совета.

⁵⁴ Там же, л. 266, 268—269.

Его допрашивали, пытаясь получить сведения о Российском общевойсковом союзе, членом которого Энгельгардт никогда не был, завершив свою антисоветскую деятельность в 1920 г.⁵⁵

В итоге Бориса Александровича приговорили к административной высылке на пять лет в Хорезмскую обл., куда он прибыл 22 июня 1941 г.⁵⁶ Жизнь в Ургенче воспринималась им как «полная свобода»: «После года тюрьмы, регистрационные явки в НКВД каждые десять дней казались простой формальностью. Открывались новые условия жизни, и я с присущим мне оптимизмом надеялся на лучшее»⁵⁷. На протяжении пяти лет пребывания в Узбекистане Энгельгардт побывал художником в музее в Хиве, тренером в государственной конюшне и сторожем на пчельнике в Ургенче, агрономом и кладовщиком на заготовительном пункте, а потом наблюдателем на ипподроме в Ташкенте. В 1943 г. он обратился к И.В. Сталину с просьбой о зачислении в ряды Красной армии. Медицинская комиссия признала его годным по состоянию здоровья, но призыва на службу не последовало. После окончания войны он вновь направил письмо к Сталину и получил в сентябре 1946 г. разрешение вернуться в Ригу, где проживала его жена. Проезжая через Москву, Энгельгардт встретился со своим однокашником по Пажескому корпусу, тогда уже советским генералом А.А. Игнатьевым.

В Риге Энгельгардт устроился старшим специалистом по международным сношениям в Управление гидрометеослужбы Латвийской ССР, по сути, став переводчиком с английского, немецкого и французского языков. С 1950 г. он занимал различные должности на Рижском ипподроме. Больших усилий ему стоили хлопоты по оформлению пенсии, поскольку основная часть его жизненного пути не подпадала под действие советского пенсионного законодательства. Материальные трудности облегчались лишь небольшой денежной поддержкой, регулярно поступавшей от Игнатьева к 1 мая и 7 ноября вплоть до его смерти в 1954 г.

⁵⁵ В мемуарах Энгельгардт вспоминал, что смог уклониться от двух попыток вовлечения его в активную антисоветскую деятельность. Когда Борис Александрович направлялся в Прибалтику, генерал Головин обратился к нему «с секретнейшей просьбой: от имени великого князя, он просил меня по приезде в Латвию выяснить и о результатах сообщить ему, держится ли в русском населении в Латвии и в среде бывших солдат русской армии вообще воспоминание о Николае Николаевиче как верховном главнокомандующем и не могло ли появление его в Латвии вызвать подъём патриотических чувств в русских людях. Не может ли Латвия на этом основании послужить базой для нового контрреволюционного наступления на Советский Союз, на этот раз под личным водительством Николая Николаевича» (ОР РГБ, ф. 218, л. 384, л. 267). Энгельгардт быстро убедился в беспочвенности таких расчётов, но через несколько лет на одном из русских хуторов он встретил приехавшего из Праги руководителя созданной в эмиграции Трудовой крестьянской партии С.С. Маслова, который, «узнав, что я проживаю в Латгалии, километрах в 20—25 от границы Советского Союза, предложил мне заняться переброской агитационных листовок в СССР при помощи детских воздушных шаров, отправляемых с попутным ветром на восток с подвешенными к ним прокламациями. Он предлагал деньги на расходы, и приборы и материалы для изготовления шаров, и конечно эсеровские прокламации» (Там же, л. 268). Это предложение также было отклонено. О Маслове и Трудовой крестьянской партии см.: *Соколов М.В.* Соблазн активизма: русская республиканско-демократическая эмиграция 20—30-х гг. XX в. и ОГПУ СССР. М., 2011.

⁵⁶ В то же время его родственник полковник ВСЮР Б.В. Энгельгардт, живший на территории Эстонии и активно участвовавший в деятельности РОВС и «Братства русской правды», 20 июня 1940 г. был арестован эстонской полицией и передан НКВД, 18 июня 1941 г. приговорён к высшей мере наказания, а 15 июля расстрелян (Русские деятели в Эстонии XX века / Сост. С. Исаков. Тарту, 2005. С. 204—237).

⁵⁷ ОР РГБ, ф. 218, л. 384, л. 274.

Скончался Борис Александрович 2 сентября 1962 г. в возрасте 85 лет.

В течение нескольких десятилетий он работал над воспоминаниями. Первые их наброски появились в издаваемой В.Л. Бурцевым газете «Общее дело» ещё в Париже⁵⁸. В 1937—1938 гг. в рижской русскоязычной газете «Сегодня» были напечатаны три мемуарных фрагмента, а в 1939 г. в местном журнале «Для Вас» вышел первый вариант «Воспоминаний камер-пажа»⁵⁹. Продолжить свой труд автор смог только после возвращения в Ригу в 1946 г. Именно тогда он рассказывал о пережитом после Февраля 1917 г.

Свои воспоминания Энгельгардт писал и редактировал до конца жизни, создав произведение, охватившее около 60 лет — от царствования Александра III до окончания Великой Отечественной войны. В нём сохранилось немало ценных свидетельств о военной и политической элите Российской империи, событиях революции 1917 г. и Гражданской войны. В 1952—1953 гг. его мемуарные тексты «Потонувший мир» и «Контрреволюция» приобрела Государственная библиотека СССР им. В.И. Ленина⁶⁰. Но Энгельгардт продолжал работу⁶¹ и к 1961 г. создал сокращённый вариант мемуаров, поступивший позднее вместе с большей частью его личного архива в Отдел рукописей Государственной публичной библиотеки им. М.Е. Салтыкова-Щедрина (ф. 1052). Другая часть архива попала к рижскому историку Ю.И. Абызову, а затем в архив Бременского университета (ФРГ).

В 1940—1950-х гг. Энгельгардт старался соблюдать сложившиеся к тому времени советские каноны мемуарной литературы. Будучи крайне далёк от социал-демократов и особенно от большевиков, он тщательно припоминал все случаи своего соприкосновения с этой средой: не забыл ни о родственнике А.К. Лозина-Лозинском, который его познакомил с работами В.И. Ульянова (Ленина), ни о завершившейся рукопожатием беседе с членом большевистской фракции IV Государственной думы. Автор цитировал работы Сталина и Ленина, которые вряд ли читал в начале XX в. Вместе с тем в редакции 1961 г. исчезли все ссылки на высказывания Сталина, приводившиеся в 1952—1953 гг. Это было не банальным приспособленчеством, а стремлением следовать нормам, установленным государством, лояльным гражданином которого он стремился быть.

Рассказывая о происходившем в стане контрреволюции («парламентской», «военной» и «заговорщицкой», как он сам её определял), Энгельгардт приводил множество интересных фактов и наблюдений, но старался писать о них отстра-

⁵⁸ Б.Э. Революционные дни (Воспоминания участника февральских дней 1917 г.) // Общее дело. 1921. 16, 17, 18 марта.

⁵⁹ Энгельгардт Б.А. Двадцать лет тому назад: Почему антиреволюционная Государственная дума возглавила революционное движение в 1917 г. (Из воспоминаний бывшего члена Государственной думы) // Сегодня. 1937. № 97, 98; Первые сумбурные дни революции 1917 г. // Там же. № 116; Графиня Ностиц (из недавнего прошлого) // Там же. 1938. № 237; Энгельгардт Б.А. Воспоминания камер-пажа // Для вас. 1939. № 15—43. Текст был впоследствии переиздан в конце 1990-х гг. (Энгельгардт Б.А. Воспоминания камер-пажа // Балтийский архив. 1996—1997. Т. 2, 3). Подробнее об этих изданиях см.: Газета «Сегодня». 1919—1940. Репронт. В 2 ч. / Сост. Ю. Абызов. Рига, 2001; Равдин Б., Флейшман Л., Абызов Ю. Русская печать в Риге: из истории газеты «Сегодня» 1930-х годов. Stanford, 1997; Абызов Ю. Рижско-парижский журнал «Для вас». Опыт прочтения «Парижских огней» // Балтийский архив. Письма. Мемуары. Библиография. Т. 10. Рига, 2005. С. 397—427.

⁶⁰ ОР РГБ, ф. 218, д. 305, 306, 384.

⁶¹ См.: Мунжукова С.И. Б.А. Энгельгардт и судьба его воспоминаний. 1940-е — 1960-е гг. // Новейшая история России. 2016. № 1. С. 134—145.

нённо, скорее как свидетель, а не как участник. Только очень внимательный читатель мог оценить подлинную роль автора в борьбе против революции и советской власти. Иногда в тексте возникала и «фигура умолчания», например, не говорилось об участии мемуариста в выборах в Учредительное собрание.

Энгельгардт признавал все совершившиеся в стране перемены как данность, но и не отказывался от своей позиции. В 1961 г. в письме к писателю В.Г. Финку он рассуждал: «Подводя итог к роли Белого движения в жизни нашей Родины, следует признать, что оно принесло вред, затормозив, задержав развитие самостоятельности и творческих сил русского народа. Но Белое движение являлось естественным наследием великого национального прошлого России. Ведь 90% населения страны были с молоком матери воспитаны в твёрдо установившихся представлениях о политическом и экономическом строе в стране. Вера в незыблемость частной собственности зародилась в людях не со вчерашнего дня, и попытки в кратчайший срок изменить весь старый уклад не могли не встретить протесты значительной части населения. Белое движение можно осуждать, но следует и понять причины его возникновения. А всё понять — значит, многое простить, — гласит французская поговорка»⁶².

Первую попытку опубликовать свои мемуары в СССР Энгельгардт предпринял ещё в 1948 г., передав «Воспоминания камер-пажа» в «Новый мир». В подготовке текста к печати ему помогали Э.Г. Казакевич (редактор выходившего в 1956 г. альманаха «Литературная Москва»), Л.В. Успенский (работавший в 1957—1958 гг. в редакциях журналов «Звезда» и «Нева»), А.Т. Твардовский (собиравшийся поместить фрагменты мемуаров в «Новом мире» в 1960 г.)⁶³, историки П.А. Зайончковский и В.Д. Поликарпов⁶⁴. Но колебания идеологических установок и перипетии редакторской политики так и не позволили тогда его труду выйти в свет.

Впервые в СССР отрывок из воспоминаний Энгельгардта появился в 1964 г. на страницах «Недели» — еженедельного приложения к газете «Известия»⁶⁵. В том же году фрагменты редакции 1961 г. разместил «Военно-исторический журнал»⁶⁶. В конце XX — начале XXI в. отдельные части мемуаров Энгельгардта вышли в Латвии⁶⁷ и Российской Федерации⁶⁸, но все они носили фрагментарный характер и отражали возникший в обществе ажиотажный интерес к российской монархии и контрреволюции. В 2003 г. А.Б. Николаев подгото-

⁶² ОР РНБ, ф. 1052, оп. 1, д. 109, л. 21—22.

⁶³ Там же, д. 158, л. 1; д. 124, л. 2; д. 135, л. 4; д. 133, л. 1; д. 134, л. 5. Подробнее см.: *Мальцев А.Д.* Из истории публикаций «Воспоминаний» Б.А. Энгельгардта: по переписке автора // *Русская литература.* 1996. № 4. С. 133—157.

⁶⁴ ОР РНБ, ф. 1052, оп. 1, д. 135, л. 4; д. 148, л. 6.

⁶⁵ *Энгельгардт Б.А.* Крушение империи. Бывший депутат Государственной думы рассказывает о падении царизма // *Неделя.* 1964. № 51. 13—19 декабря. С. 6—7.

⁶⁶ *Военно-исторический журнал.* 1964. № 1, 5, 8—10.

⁶⁷ *Энгельгардт Б.А.* Революция и контрреволюция // *Балтийское время.* 1992. № 3—9; *Энгельгардт Б.А.* Революция и контрреволюция (отрывок рукописи) // *Рижский альманах.* 1996. Кн. 4. С. 154—171; *Энгельгардт Б.А.* Революция и контрреволюция // *Балтийский архив.* 2004. Т. 8. С. 7—319.

⁶⁸ *Воспоминания камер-пажа* / Публ. В.А. Авдеева // *Военно-исторический журнал.* 1993. № 12; 1994. № 1—7, 9; 2002. № 12; 2003. № 2, 3, 6, 8, 9; 2004. № 2—4; *Контрреволюция. Из воспоминаний начальника Отдела пропаганды Добровольческой армии* / Публ. В.А. Авдеева // *Диалог.* 1996. № 1—8.

вил первую научную публикацию главы «Февральская революция»⁶⁹. В 2020 г. был издан полный текст редакции 1961 г.⁷⁰

Долгая жизнь Б.А. Энгельгардта, наполненная событиями и трудами, позволила ему стать летописцем своего времени. Он не являлся тем, чьи деяния имели судьбоносное значение для истории Отечества, но находился в первом ряду свидетелей эпохи войн и революций начала XX в.

⁶⁹ Энгельгардт Б.А. Февральская революция / Подгот. текста, вступ. ст. и примеч. А.Б. Николаева // Клио. 2003. № 1(20). С. 180—197.

⁷⁰ Потонувший мир Б.А. Энгельгардта: «Воспоминания о далёком прошлом (1887—1944)» / Публ. Н.Н. Смирнова, С.И. Мунжуковой, М.Ю. Борисовой-Лебедевой, И.В. Петрова. СПб., 2020.